

A detailed illustration of a woman with long, flowing purple hair, wearing a white blouse with red floral patterns and a dark skirt. She is adorned with a crown, necklaces, and earrings. She is seated in a lush forest with green foliage and a warm, glowing light in the background.

Мария Щедрина

ОМУТ
МОРОКА
И ТАИН

Мария Щедрина
Омут морока и тайн
Серия «Обитель лжи
и секретов», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74339546

*Омут морока и тайн:
ISBN 978-5-04-252576-6*

Аннотация

В каждой больнице есть палаты, которыми никогда не пользуются. У каждого человека в сознании есть комната, в которой он прячет то, что хочет забыть.

В темных коридорах Больницы скорой медицинской помощи №2 для фантастических существ сгущается тьма. Убиты пациент-аспид и патологоанатом.

Когда Василису, врача и ведьму, публично обвиняют в убийстве, она понимает: ждать помощи бессмысленно. Слишком много тех, кто смотрит на неё с подозрением. Слишком много тех, кому есть что скрывать.

На корпоративе ее опаивают, и она едва не тонет в бассейне – словно в омуте... Вот только это не просто несчастный случай. Позже ведьма обнаруживает в общежитии труп девушки в традиционном наряде колдовского поселения, в котором она

сама родилась и выросла. И понимает, что это угроза: убийца не оставит ее в живых...

«Захватывающая история, где прошлое преследует героев по пятам, переплетаясь с загадочными преступлениями настоящего. Кровавые убийства в стенах экспериментальной больницы, где все не те, кем кажутся». – Светлана Поделинская, автор «Эксмо»

«Стоило мне увидеть, что действие книги разворачивается в России, как я сразу поняла: это для меня! Повествование ведется от лица нескольких персонажей, перескакивает между прошлым и настоящим, и за счет этого история приобретает особую динамику. Читается на одном дыхании. Единственный минус – ждать продолжение!» – Екатерина Осенина, автор Telegram-канала «Катя: кино и книги»

«Книга оказалась весьма приятной. Уже с первых страниц зацепил непринужденный слог, в котором удачно сочетаются ирония, динамика и яркие описания. Читается легко. И даже сложные элементы магической системы подаются настолько естественно, что не возникает лишних вопросов». – Эльвира Касенко, автор Telegram-канала «Бокал с книгами»

«Меня увлек легкий слог с долей юмора и хорошими описаниями. Книга с первых глав богата событиями, очень понравилось мягкое погружение в мир». – Анастасия Полякова, писатель, автор Telegram-канала «Пусть будет так»

Содержание

I. Волк против змеи	6
II. Первый подозреваемый	42
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Мария Щедрина

Омут морока и тайн

© Щедрина М., 2025

© Оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2026

I. Волк против змеи

Василиса

Тишина. Любой необщительный человек может многое рассказать о ней. Тишина бывает разной: ласковой и уютной, угрожающей и холодной. Тот, кто проводит много времени в молчании, способен с легкостью отличить одну от другой. Жаль только, что это умение не поможет продлить тишину приятную и избежать последствий тишины страшной.

К чему это я? Да к тому, что визит СБМС к нам почувствовался сразу же, стоило мне спуститься на первый этаж. Потому что в приемном отделении стояла непривычная тишина. Обычно врачи и пациенты оглушающе шумят, поэтому нынешнее всеобщее молчание казалось странным и почти жутким. Я кожей ощущала, что оно не предвещает ничего хорошего. Такая тишина бывает, когда кто-то умер...

Впрочем, сегодня был как раз такой день.

Приемное отделение хорошо просматривалось из коридора, ведущего к нему с лестничной площадки, поэтому я не только слышала звенящую тишину, но и видела, как сильно изменилась привычная обстановка. Обычно живые и шумные врачи передвигались редкими безмолвными тенья-

ми, собственными призраками. Пациенты и их родственники сидели на банкетках неестественно ровно, будто проглотили палки или будто их могут отправить за решетку из-за сколиоза или лишней улыбки. Казалось, все пространство занимают люди, стоящие посреди огромного зала приемной.

Их было четверо. Три человека – пятидесятилетний мужчина, женщина лет тридцати с лишним и паренек, явно недавно начавший охранять порядок на улицах нашего города, – в форме СБМС. Не меняющаяся с момента основания Службы, то есть с начала XX века, и состоящая из белой рубашки, бежевых в клетку жилета и галстука и бежевых же однотонных брюк у мужчин и юбки в пол у женщин, она сидела на «шестерках» как влитая. На лицах служащих застыли холодные и высокомерные гримасы, как маски. Четвертый – очевидно, Игорь Змеев, похожий на брата копной длинных черных волос, смуглой кожей, когтями на пальцах и чешуйчатым хвостом, почти полностью скрытым под длинной меховой шубой.

Я мысленно порадовалась, что перед тем, как выйти к этой компании, умылась, привела в порядок растрепавшиеся волосы и натянула медицинский халат, который наглухо застегнула, чтобы скрыть пятна Марининой крови на рубашке. Была бы грязной и неухоженной – чувствовала бы себя рядом с этими самоуверенными, чистенькими и явно богатыми людьми совсем уж неловко.

Перед тем как приблизиться на достаточное, чтобы меня

было видно, расстояние, я остановилась. Эти люди не были моими пациентами и уж тем более знакомыми, и сердце сковал... не то чтобы страх, но какое-то неудобство и нежелание подходить к ним. В голове автоматически начал прокручиваться мысленный диалог – что сейчас скажу я? а что могут сказать они? – отчего голова разболелась сильнее, чем раньше.

Тогда я решила подумать о том, что в кармане халата лежит обезболивающее. Поговорю быстренько и забегу в ординаторскую, приму там таблетку, и голова болеть перестанет. А потом пойду домой, отосплюсь... Все будет нормально. По крайней мере в ближайшие три дня, если я не буду думать о смерти Марины и договоре с Германом. Все будет хорошо, мне не нужно быть такой бестолковой слабачкой. Нужно просто подойти и поговорить.

Судорожно сглотнув и стараясь не замечать, что мои движения от повышенной необщительности становятся «судорожными», я на почти ватных ногах сделала нужное количество шагов к Игорю Змееву и сотрудникам Службы. Они заметили меня сразу же, но промолчали. Спиной я почувствовала, что на меня смотрят не только эти четверо, но и врачи. Смотреть, что ли, больше не на что?

– Здравствуйте, – собравшись с мыслями – а точнее, наоборот, стараясь ни о чем не думать, – начала я.

Неумение проявлять эмоции сейчас только играло на руку.

– Меня зовут Василиса. Я была лечащим врачом Михаила Александровича Змеева. У вас есть ко мне какие-то вопросы?

– Лично у нас – нет, – подал голос немолодой мужчина из СБМС.

Говорил он строго и даже в больнице с перекинутым через руку пальто напоминал царя или генерала. Впрочем, судя по погонам, от генерала он не очень далеко ушел – полковник.

– Мы здесь не из-за смерти господина Змеева. – Игорь кинул на него многозначительный взгляд, и полковник поспешно добавил: – Не только из-за нее. С вами хочет поговорить Игорь Александрович. А мы пройдем сразу к главврачу.

Я нервно облизнула губы. Не для того Герман меня сюда отправил, чтобы к нему так быстро заявились «шестерки».

На помощь мне неожиданно пришел Змеев (хотя его полные яда и упрека слова только безумец назовет помощью).

– Нет уж, задержитесь, господин полковник, – как бы попросил он, однако было заметно, что его просьба для СБМС равна приказу. – Подумаешь, подохла какая-то шавка, о которой завтра никто не вспомнит! Мой брат умер, это важнее! – Он бросил на меня липкий презрительный взгляд. – Эта девка, судя по всему, убила его.

После продолжительного знакомства с Михаилом Змеевым от его братца я ожидала чего угодно, но не такого. Умерший аспид, когда был жив, постоянно ругался, писал жалобы и всех раздражал, но приходить с СБМС и кидаться такими

обвинениями...

«Ну спасибо за задание, Герман».

– Простите, что? – с трудом сформулировав даже эти два слова, холодно спросила я.

Вместо ответа Игорь сделал несколько шагов ко мне и остановился, лишь когда оказался на неприлично и, что самое худшее, отвратительно близком расстоянии. Мне это очень не понравилось. Сердце тут же пустилось в пляс, а лоб, по ощущениям, покрылся холодным липким потом. Телу больше всего на свете хотелось отойти, но разум не давал этого сделать – слова о том, что я виновна в смерти Змеева, ввели в ступор. Я понимала, что виновна в убийстве Марины, но никак не Змеева, это глупое обвинение. Но в голове все равно замелькали мучительные, самоуничижительные мысли. Они словно пригвоздили меня к полу, не давая ни сделать шаг, ни сказать хотя бы слово. Игорь Змеев, смотрящий мне прямо в глаза своим светлым ледяным взглядом рептилии, тоже не облегчал ситуацию. К тому же, в отличие от брата, он не кричал, а говорил холодным елейным тоном, пробирающим в самую душу, и от этого становилось еще страшнее.

– Что? – вкрадчиво переспросил Игорь. – Думаешь, я просто так велел вызвать тебя? У моего брата никогда не было проблем с сердцем, до вашей больницы у него было идеальное здоровье! – С каждым словом он распалялся все больше. – Он мне уже давно жаловался, что его лечит наглая,

глупая, хитрая, ни на что не способная девица – ты, я так понимаю. Наверняка убила его по собственной тупости!

Впервые за долгое время я почувствовала себя маленьким, ничего не понимающим ребенком. Слова Игоря казались по меньшей мере в сто раз абсурднее, чем недавнее предложение Германа.

Я бросила беспомощный взгляд за спину Змеева. Сотрудники СБМС не делали попыток успокоить Игоря, что огорчало, но верить его словам и пытаться арестовать меня тоже не планировали, что радовало. Они просто стояли и созерцали вцепившегося в меня, во врача, бизнесмена равнодушным взглядом. Им явно было все равно. Медперсонал нашей больницы тоже смотрел – более заинтересованно, чем «шестерки», но скорее с любопытством, нежели с тревогой.

А впрочем, с чего я вдруг смотрю на других и чего-то жду? Всю жизнь со всем сама справлялась – получится и сейчас, если унять свои глупые загоны. Да, в словесных битвах я не так сильна, как в магических, но какой-никакой отпор дать могу.

Я несколько раз глубоко вдохнула носом, отчаянно пытаюсь игнорировать усилившийся гул в голове и удушающие запахи меха с дорогим одеколоном, исходящие от Змеева, и все так же ровно и холодно проговорила:

– Ваш брат умер от инфаркта. Он вполне возможен и у людей, прежде не страдавших сердечно-сосудистыми...

– И что же должно заставить меня поверить тебе? – обрывал меня Игорь. – Ты сейчас что угодно наплетешь, лишь бы вывернуться и не попасть по справедливости в руки правосудия!

– ...заболеваниями, – с легким напором закончила я.

Для этого пришлось собрать всю силу воли, потому что говорить с малознакомыми людьми мне сложно, а прерывать их – и вовсе почти невозможно.

– Главврач велел мне спуститься к вам, но я не понимаю, из-за чего такие наезды. Я думала, вы спросите, как проходило лечение, и попросите забрать вещи...

Игорь не дал мне договорить. Пожалуй, мне было бы все равно, если бы просто не дал, но дальше случилось страшное и неожиданное.

– Ты, шваль, будешь перебивать меня?

Змеев не кричал, но в его голосе слышался гнев, и он вскинул руку для пощечины. Я могла бы сказать что-то еще, могла бы с легкостью оттолкнуть Игоря, по крайней мере с помощью магии, могла бы позвать на помощь – в конце концов, СБМС обязана блюсти справедливость вне зависимости от того, кого от кого защищает, аристократов от отбросов или наоборот. При всем своем безразличии сейчас они должны были вмешаться. Я могла бы... к сожалению, только в теории, не на практике. Змеев и «шестерки» не были знакомы мне, но были сильнее и злее. Как поселенческие колдуны, как все другие люди, которые когда-либо причиняли

мне боль и зло. Они давили на меня этим, на истерзанную душу и мучимую болью голову. У меня при всем желании не получилось бы как-то им сопротивляться. Тогда получилось, но не сейчас. Единственное, что мне оставалось, – сжаться и зажмуриться в ожидании удара, надеясь, что когти Змеева не выцарапают мне глаз.

Прошла секунда, другая, третья, но удара не последовало. Правда, удивило меня больше не это, а то, как вдруг стало тихо. В приемном отделении и раньше стояла мертвая тишина, но теперь она будто еще больше помертвела. Теперь не слышалось даже шепотка, даже шагов или шуршания одежды. Пожалуй, именно это заставило меня открыть глаза.

Первое, что я увидела, – нависшая надо мной когтистая ладонь Змеева, которая, впрочем, не могла добраться до меня. Ее сдерживала другая рука, крепко обхватившая смуглое, полуприкрытое мехом шубы запястье. Сначала я подумала, что это кто-то из СБМС пришел мне на выручку. Не знаю, сколько времени мне потребовалось, чтобы заметить, что рука моего спасителя – в белом рукаве, а затем подняться по ней взглядом и увидеть его самого.

Больничная одежда, яростный взгляд карих глаз из-под бинтов и пластырей на лице. Денис Кирсанов. Какой он, оказывается, огромный. Когда он лежал в кровати и когда пересекался со мной в полутемных помещениях, это было не так заметно, но сейчас... Высокий рост, широкие плечи, мускулы, заметные даже в одежде пациента, – не уродли-

вые и неестественные, как у качков или боксеров, но достаточные, чтобы чувствовать исходящую силу и надежность. Игорь Змеев тоже высокий, но в сравнении с Денисом он сразу перестал выглядеть страшным; напротив, он казался маленьким и жалким. Никчемная змея в клыках безжалостного риджбека, собаки-змеелова.

Не знаю, когда это почти постыдное восхищение развеялось и до меня в полной мере дошло, что случилось. Денис, амнезийный пациент, никому не нужный и неизвестный, спас меня, чуть не до перелома сжав руку аристократа – знаменитого, богатого, спонсирующего нашу больницу и обладающего кучей связей Змеева.

Поначалу я невольно залюбовалась Денисом, но вскоре появилась мысль: не подсыпал ли все-таки Хоффман каким-то образом мне что-нибудь в чай? Не вызвало ли сотрясение галлюцинации? Потому что события после смерти Марины все меньше и меньше напоминали реальность. С чего Денису меня защищать? Зачем? Даже если он проходил мимо и увидел – ну подумаешь, ударят меня и ударят, что такого? Какое ему до этого дело? Я ведь ему никто, и он мне тоже. Разве не каждый должен быть сам за себя, за исключением, может быть, друзей и родственников? Хотя друзья и родственники тоже далеко не всегда приходят на помощь, когда это необходимо.

И вообще, это как-то даже оскорбительно – за последние сутки мне уже в который раз помогают не близкие люди. То

Хоффман отнес в ординаторскую и привел в чувство, то Денис сначала напросился разобрать полки, а теперь защитил. Я чувствовала себя униженно, потому что казалась себе той, кем уже давно очень боялась стать, – этакой принцессой в беде. В общем, третьей стала злость.

Все это промелькнуло в голове намного быстрее, чем это можно было бы отразить, скажем, на бумаге, буквально за несколько секунд. Поэтому я очень даже успела прийти в себя, чтобы стать свидетелем дальнейших событий. А они произошли еще быстрее, чем прежние.

Первым всеобщее молчание нарушил Денис. Ничего удивительного, я уже успела заметить, что держать язык за зубами – не самая сильная его сторона.

– Без понятия, кто вы, но, судя по всему, кто-то не совсем в здравом уме. Поэтому давайте поясню: вы в больнице и не имеете никакого права распускать руки. Так что прошу вас отойти от нее, – парень кивнул на меня, – на социальную дистанцию в полтора метра. Или я буду вынужден прибегнуть к более серьезным, чем слова, мерам.

Игорь Змеев, который прежде молчал, очевидно пораженный, что какой-то перебинтованный парень схватил его за руку и не дал отвесить пощечину, теперь поднял на Дениса пылающий взгляд.

– Что? – переспросил он тоном, способным резать не хуже ножа. – Ты что несешь, щенок? – Тут я с трудом сдержала нервный смех, потому что с расой Дениса Змеев, сам того не

желая, угадал. – А ну, быстро отпусти меня! Как ты смеешь прикасаться ко мне?!

Денис проигнорировал последние две фразы аспида и злобно усмехнулся. Сейчас он напоминал кого угодно, но только не безобидного болтливого волчонка, каким был раньше. Кажется, его не на шутку разозлило, что Игорь на меня замахнулся. Интересно почему?

– Вы переспрашиваете? На глухого вы не похожи, значит, не поняли. Хорошо, переведу на более понятный вам язык: отошел быстро, подонок, или я оторву тебе руку и засуну туда, куда даже тебе не понравится!

Змеев дернул крепко схваченную руку. Денис не отпустил. Тогда Игорь решил обратиться к тому, что должно было ему помочь, потому что оно сильнее, чем любое магическое создание, – к правосудию в лице стоящих позади представителей СБМС.

– Вы вообще слышите, что несет этот мальчишка? Он угрожает мне! Мне!!!

«Шестерки» по-прежнему выглядели довольно спокойно и равнодушно, однако после слов Игоря женщина приблизилась к нам.

– Молодой человек, произошло недоразумение, – обратилась она к Денису. – Пожалуйста, сохраняйте спокойствие. Отпустите Игоря Александровича, или у вас возникнут проблемы.

– Недоразумение? – почти выкрикнул Денис. – Вы напада-

ете на девушку утром, в окружении кучи равнодушных людей! Это вы называете недоразумением?

Змеев открыл рот, видимо, чтобы разразиться очередной гневной тирадой, а женщина из СБМС еще приблизилась к Денису, очевидно, решив растащить двух мужчин силой – зрелище почти возмутительное, учитывая, что ее напарники только сейчас начали шевелиться.

У меня, к огромнейшему стыду, все еще не было сил ни отойти, ни что-либо сказать. К тому же голова разболелась так, что мне казалось, одно неловкое движение, и я снова рухну в обморок, и тогда точно возненавижу себя за слабость и позор.

Не знаю, чем бы все кончилось, если бы не подоспел еще один спаситель.

– Что тут происходит? – раздался строгий голос Екатерины Алексеевны.

Когда я подняла взгляд, по верхней одежде и красному от мороза лицу поняла, что она только что – и очень вовремя – вошла в больницу. Она наверняка сразу заметила кучку людей на грани драки, потому что не сводила глаз с Дениса и Змеева. Вид суровой раздраженной заведующей на всех подействовал отрезвляюще.

– А вы спросите у этого господина! – резко бросил Денис и наконец отпустил Змеева, при этом слегка его толкнув.

– Игорь Александрович? – с удивлением и уже немного мягче обратилась к нему Екатерина, будто узнав Змеева,

только когда Денис отпустил его.

– Я уже пятьдесят пять лет Игорь Александрович! – так агрессивно ответил аспид, потирая при этом руку, что у него изо рта пошел дым – еще чуть-чуть, и он начнет дышать огнем. – Устроили притон и назвали больницей! Я понимаю, почему мой брат умер!

– Серова?

Екатерина перевела на меня взгляд, очевидно, догадываясь, что от Змеева ничего вразумительного не добьется. Вид заведующей немного взбодрил и меня тоже. В голове до сих пор не совсем укладывалось все, что произошло, поэтому я решила не мудрить и лаконично сказала правду:

– Игорь Александрович заявил, что я убила его брата, и попытался ударить меня. Мой пациент Денис не дал ему это сделать.

– Это правда, – неожиданно подтвердила мои слова женщина из СБМС, обращая на себя внимание Екатерины. – Мы как раз собирались вмешаться, но...

Из удивленной заведующая снова стала злой. Еще злее, чем раньше. К явному удивлению Змеева – и, если честно, к моему, – злость эта обратилась на него.

– Вы пытались ударить нашу сотрудницу?! Вы что себе позволяете?!

– Я?! – вскипел аспид. – Эта мелкая тварь натравливает на меня своих любовничков, а я что-то не то себе позволяю?! Это моя больница, в конце концов, я ее спонсирую!

В лице Екатерины Алексеевны у Змеева появился достойный соперник в умении прожигать взглядом. Заведующая, пытаясь глазами высказать аспиду все, что она о нем думает, прошла через приемное отделение. Стук ее каблучков отчетливо раздавался в тишине. Задержавшись около меня на мгновение, она спросила:

– Серова, главврач у себя?

Я попыталась прикинуть, сколько мы все тут стоим и достаточно ли прошло времени, чтобы Герман успел «поработать» над телом Марины. Но прикинуть не получилось, в голове стоял туман. Я уклончиво ответила:

– Он обещал скоро подойти.

– Хорошо, – почти тепло ответила Екатерина (это при том, что она почти всегда разговаривает с врачами на языке криков и упреков), затем уже более привычным для нее тоном обратилась к Змееву: – Пройдемте со мной в кабинет, Игорь Александрович. И вы тоже. – Екатерина Алексеевна скользнула по сотрудникам СБМС таким взглядом, словно те – не более чем нашкодившие дети.

Не говоря больше ни слова и показывая, что хозяйка здесь она и поэтому ее слова – закон, Екатерина Алексеевна направилась в коридор. «Шестерки», не теряя своего достоинства, пошли следом, при этом полковник что-то писал в смартфоне.

Змеев же задержался и внимательно посмотрел на Дениса.
– Ты должен благодарить богов за то, что у тебя лицо из-

ранено, – произнес он уже более спокойно и язвительно. – Потому что твой голос мне знаком, хотя из-за повязок я не могу понять, кто ты. Если узнаю, ты пожалеешь об этом, уж поверь.

– Рад за вас, – тоже другим тоном, бодрым и веселым, как раньше, отозвался Денис. – Если, когда будете вспоминать, кто я, снова захотите обидеть какую-нибудь девушку, обернитесь, а то вдруг я буду стоять сзади? Точно ведь руку сломаю.

На этом обмен любезностями закончился. Змеев пошел за Екатериной Алексеевной, наверняка опасаясь, что без нее не сможет найти кабинет, в котором он планирует написать жалобу на меня, а Денис не делал попыток продолжить разговор – наверное, не хотел портить отношения с заведующей отделением, в котором ему еще лежать не одну неделю.

* * *

Врачи и пациенты постепенно возвращались к своим обязанностям. После ухода СБМС приемная снова наполнилась привычным шумом, сквозь который отчетливо слышались голоса, обсуждающие произошедшее.

Мы с Денисом остались одни. Какое-то время мы стояли в тех же позах, что и раньше, когда пришла Екатерина. Я думала о том, какую все-таки подставу мне устроил Герман, вполне возможно, сам того не желая. О чем думал Денис, я

не знаю.

В какой-то момент он положил руки мне на плечи и развернул к себе. Я слишком поздно вспомнила, что надо бы возмутиться, поэтому промолчала. К тому же, что удивительно, почему-то не хотелось сказать парню привычное «не трогай меня», которое обязательно сказала бы Хоффману или любому другому на его месте. Впрочем, мысль об этом я постаралась проигнорировать.

– Ты как? – спросил Денис. – Он тебя не тронул? А то у тебя вид какой-то... никакой.

«А какой должен быть вид у человека, которому сначала дал по голове убийца, потом напомнил неприятное коллега, затем предложил не пойми что начальник, а напоследок надавил на больное родственник пациента?»

Ореховые глаза Дениса разглядывали меня со странным беспокойством. Я всего лишь твой врач, волчонок, какого черта?

– Со мной все нормально, – вслух ответила я.

Вид у Дениса все еще был взволнованный. Я решила выяснить, что уже давно не давало покоя. И упрекнуть заодно, чтобы умерить свой стыд.

– Зачем ты влез? Мне не нужна была помощь.

Закатив глаза, Денис меня отпустил.

– Потому что так поступил бы любой адекватный человек на моем месте, дуручка, – медленно, словно я действительно дуручка, которой надо разжевывать банальные вещи, от-

ветил он. – Я считаю себя адекватным человеком. Во всяком случае, адекватнее тех козлов, которые стояли и молчали.

Его спокойный голос становился все громче, сам парень поднял глаза на врачей приемного отделения, давая понять даже самым недалеким, кого он называет козлами. С каждым словом он все сильнее распалялся.

– Надо было вообще придушить эту мразь! Ненавижу, когда на женщин руку поднимают!.. А ты? Нет, ну я могу понять, когда обычные девчонки это терпят – они боятся, – но ты, мать твою, ведьма! Ты, блин, могла откинуть его на другой конец коридора! Какого хрена?!

Пыталась упрекнуть я, а упрекнули меня. И ведь Денис прав, я сама должна была и имела полное право защититься, пусть Игорь хоть десять раз наш спонсор. Но признавать, что волчонок прав, как-то не хотелось, да и слова Змеева все еще звенели в голове посильнее, чем сотрясение.

– Может, это было справедливо. Ты ведь слышал, из-за меня умер его брат.

– Как давно ты стала заболеванием? – со злостью усмехнулся Денис, несколько, впрочем, иначе, нежели когда он говорил со Змеевым.

На нас продолжали пялиться, поэтому я ненавязчиво начала отходить в сторону, и парень последовал за мной, продолжая говорить.

– Или от чего он там умер? Да даже если от какой-то ошибки, никто не имеет права поднимать на тебя руку, ясно?

У нас в стране презумпция невиновности и право на личную неприкосновенность, в конце концов.

– Ты не знаешь всего, – туманно ответила я.

Перед глазами вновь пронеслись моменты, когда я поняла, что Михаила Змеева отравили, и когда Герман велел подтвердить его смерть от инфаркта. Игорь отвратителен, но, возможно, наказание за ложь я вполне заслужила.

– Может быть. Но если думаешь иначе, то ты просто идиотка.

На это я уже ничего не ответила. За три года жизни в бегах меня как только не называли, и на что мне точно было плевать, так это на то, что думает обо мне Денис. Может, в следующий раз не будет угрожать нашим спонсорам из-за меня. Все-таки самозащита и защита постороннего парня – это разные вещи, и второе хуже, потому что оно может породить разные абсолютно неправильные и нежелательные слухи. Возможно, что как раз из-за этого я разозлилась на Дениса, тогда как он наверняка ждал благодарности. Ждал как тогда, в заброшенном крыле.

Кстати, о крыле. Денис ведь появился в приемной почти так же неожиданно, как и там. Это настораживало.

– Что ты вообще тут делаешь? – спросила я, потому что мне не нравятся подобные внезапные появления и чтобы попытаться перевести разговор в другое русло, в то, которое не будет вызывать во мне смесь злости и понимания собственной неправоты.

– Просто мимо проходил, – ответил Денис.

У меня появилось еще больше ассоциаций с нашей встречей в крыле.

– Ты слишком часто «просто проходишь мимо», волчок.

– Меня зовут Денис. И что, это запрещено?

– Это подозрительно.

– А в чем ты меня подозреваешь? – оскорбился он.

Я открыла было рот, чтобы ответить что-нибудь ироничное, однако меня вдруг будто озарило. Пока сложно было сказать, насколько мысль верна, но это было то самое озарение, которое приходит к тому, кто долго бьется над сложной логической задачей. Впрочем, убийство ведь – тоже задача? Я еще вчера после разговора с Хоффманом сравнивала смерть Змеева с кровавым уравнением.

Дано: Денис появляется у нас в качестве больного, и в тот же день умирает его сосед по палате. Денис странно себя ведет, порой реагирует на вопросы волнением и ускорившимся пульсом. Далее Марина, которую я просила провести вскрытие, звонит мне и уведомляет, что она его провела, после чего погибает. Денис через несколько часов после этого непонятно почему защищает меня.

Вопрос: кто убийца и почему Денис меня защищает?

Решение: до звонка Марины мы с Денисом сталкиваемся в крыле – может, и правда из-за кошки Германа, а может, причина иная. Денис становится свидетелем звонка мне от

Марины. Он оборотень, а оборотни обладают прекрасным слухом. Следовательно, он мог услышать, что именно мне говорила Марина. Больше услышать не мог никто, я никому не распространялась о планах на вскрытие, и Марина тоже вряд ли. Я ее просила этого не делать, а она была человеком слова: если обещала, то выполняла.

Далее. Почему я занялась расследованием? Из-за чувства вины передлевой, Мариной и своими жертвами. Почему я работаю в больнице? Потому что ищу искупление. Я убийца, и меня мучает, грызет хуже любой крысы чувство вины. Психология разных людей в некоторых вопросах похожа. Значит ли это, что все убийцы (или, по крайней мере, какая-то их часть) чувствуют вину за содеянное и стремятся заглушить ее хорошими поступками? Скажем, спасти девушку от замахнувшегося на нее человека. Или помочь ей же разобрать упавшие полки. Помочь той же девушке, которую убийца ударил по голове, чтобы она не стала ненужной свидетельницей.

Ответ: Герман ошибся, когда сказал, что расследование я начну через три дня. Я начинаю его сегодня, и главный подозреваемый у меня уже есть. Он стоит напротив меня, кривя свое красивое израненное личико в притворно-обиженном выражении. Я вновь смотрю на Дениса, но теперь совершенно другим взглядом. Конечно, не факт, что мое предположение верное, конечно, необходимо проверить камеры и опросить остальных пациентов и всех присутствовавших вчера в

больнице медиков, но... Пока пазл складывается очень четко. Пожалуй, я задержусь в больнице на полчаса и побеседую с Денисом.

Наверное, смена моего настроения стала заметна даже на моем безэмоциональном лице, потому что Денис вдруг почти испуганно нахмурился.

– Я в шутку спросил вообще-то! Не надо делать такое лицо, будто ты меня обвиняешь в нарушении всех статей Уголовного кодекса!

«Уголовный кодекс, презумпция невиновности – начнем, пожалуй, с этого».

– Денис, а ты случайно не юрист? – будто не слыша его, резко спросила я. – Не студент юрфака?

Теперь Денис чуть не шарахнулся от меня.

– Нет. А при чем тут?..

– Неожиданные вопросы для возвращения памяти, помнишь? – Заметив, что он успокоился, я добавила: – Денис, раз ты такой «адекватный», что оказал мне одну услугу, то, может, окажешь еще одну?

– Какую?

– Пройдемся до твоей палаты? Мне нужно задать тебе несколько вопросов.

Екатерина

– Если тот мальчишка – пациент и с ним ничего нель-

зя сделать, то я требую увольнения девицы! – бросил Игорь Александрович Змеев, заходя в кабинет.

Он отчаянно пытался казаться похожим на одного из драконов, потомками которых, по легендам, считаются аспиды, но на деле походил разве что на капризного ребенка. Пожалуй, именно глядя на таких, как этот господин, я вспоминаю, почему меня так утомляют люди.

За долгие годы работы врачом я привыкла следовать всем необходимым инструкциям по работе с пациентами и их родственниками: общаться со всеми одинаково, вне зависимости от возраста, пола и социального положения, вместо упреков и отказов использовать мягкие формулировки, говорить связным литературным языком. Однако сейчас я сдерживалась с трудом. Больше всего хотелось вызвать охрану и выставить наглого мерзавца вон, перед этим выматерив его всей известной мне бранью на русском и немецком. Только понимание того, что Игорь Александрович – наш спонсор, а также присутствие сотрудников СБМС, хоть они и не могли навредить мне как человеку, заставляли сдерживаться. Я могу понять всякое. Когда близкий человек умирает, хочется все крушить и всех упрекать. Но можно вести себя в рамках приличий, а можно в край обнаглеть, пользуясь тем, что тебе ничего не сделают. Игорь Александрович сегодня пошел вторым путем.

Я имела опыт общения с ним раньше. Брата ему точно не жаль до такой степени, чтобы находиться в аффекте. Он

скорее, наоборот, обрадовался смерти человека, с которым приходилось делить бизнес. Ему просто захотелось показать, что он здесь все может, потому что это якобы его больница. А сотрудники СБМС только потакали в этом. Судя по всему, ни один из них даже не почесался, чтобы защитить Серову. И это очень раздражало.

Когда мы открывали больницу, Герман сказал мне:

– Ты можешь забыть о чем угодно, Катерина, но, ради богов, не забывай, с кем мы имеем дело. Все те люди, которые будут у нас работать, в какой-то момент своей жизни, а то и не единожды, прошли через ад. Понятно, что из-за этого они могут быть разными – неприятными, раздражающими, не знающими ни манер, ни норм морали, – поэтому сочувствовать всем не получится. Но подумай вот о чем: их было некому защитить, у большинства из них нет родителей или они остались при живых родителях сиротами. Представляй иногда, что они твои дети. С нашими ровесниками так не получится, но с молодежью...

И я честно пыталась. Сначала приходилось представлять все это искусственно, и полностью погрузиться в то состояние, о котором говорил Герман, не получалось. Но чем больше времени проходило и чем страшнее выглядело количество исполнившихся мне лет на очередном дне рождения, тем меньше требовалось напрягаться, чтобы представить, что юноши и девушки плюс-минус двадцати лет – все равно что мои дети. Да, многие из них съедали немало нер-

вов, на многих приходилось прикрикивать, чтобы они хоть как-то работали, но разве не так себя ведут строгие родители с непослушными детьми?

Вот и сейчас я слишком отчетливо представила, что почувствовала бы, если бы какой-нибудь мужик ни за что ни про что ударил мою дочь. Да я бы шею ему свернула! Как и полиции, которая стояла рядом и просто смотрела вместо того, чтобы помочь.

Поэтому, войдя в кабинет и молча указав рукой на стулья, я какое-то время стояла и холодно рассматривала присутствующих, не реагируя на требования Игоря Александровича. Слишком боялась, что если хоть открою рот или сделаю незначительное движение, то точно приведу свои желания насчет перелома шеи и мата в исполнение. Даром что я слабый человек, а эта четверка – сильные магические существа. Но это бы слишком навредило моему амплуа заведующей отделением первой помощи, поэтому нужно было держаться.

Вдох, выдох. Взгляд на загоревшийся экран смартфона, который я положила на свой рабочий стол. Пока мы шли, я записала Герману голосовое сообщение, в котором кратко и настолько вежливо, насколько могла, объяснила ситуацию. Муж сейчас ответил, что скоро освободится, и попросил потерпеть. Потерплю, что делать. Только надо будет раскрутить его на ужин за это. После нервного рабочего дня приготовленные им венские шницели есть гораздо приятнее, чем соб-

ственно рочно пожаренные котлеты.

Уютные мысли о доме и Германе ободрили и дали возможность спокойнее думать и говорить. Поэтому я наконец начала:

– Ну? И какие у вас жалобы на Серову, Игорь Александрович? Пока складывается впечатление, что у нее на вас жалоб больше, хотя она даже и не думает жаловаться. У меня, кстати, есть некоторые вопросы и к товарищу... – я прищурилась, разглядывая погоны, – полковнику и его подчиненным. Я имею полное право написать заявление о нарушении вами служебной дисциплины.

– У нее есть жалобы? Она моего брата убила! – воскликнул Игорь Александрович.

– Его убил инфаркт. А вот Серову пыталась ударить во все не болезнь. Да, кстати... – Когда я успокоилась, мозг начал думать на редкость здраво и даже подкинул одну хорошую мысль. – В отличие от смерти вашего брата, нападение на Серову зафиксировали камеры, которые есть у нас в приемной. Все еще хотите жаловаться на нее? Или, может, наоборот, лучше извиниться? Серова извинялась перед вашим братом, если его что-то не устраивало.

Полностью спесь с аспиды сбить не удалось, но после слов о камерах, видео с которых можно отправить в СБМС или отдать блогерам и журналистам, он стал несколько тише.

– Вы в своем уме... – Игорь Александрович тоже прищурился, глядя на мой бейдж, – Екатерина Алексеевна? Ва-

ша Серова, – он даже фамилию обиженного им врача запомнил! – даже если не убила моего брата, спровоцировала меня на пощечину своим наглым поведением. Вы просто не видели, как она себя вела. Молодежь надо воспитывать. Вы же взрослый человек, насколько мне известно. Хоть детей у вас нет, есть племянник. Вы должны понимать.

– Нет, не должна, – жестко ответила я. – Во-первых, я не считаю, что кого-то можно воспитать, распуская руки. А во-вторых, Серова – взрослый рассудительный человек, последний в нашей больнице, о ком я подумаю, что он может кого-то на что-то спровоцировать.

Перед глазами отчетливо встал образ Серовой, когда она сидела несколько месяцев назад в этом же кабинете, на тех же обитых черной тканью стульях, напротив того же темного деревянного стола и широкого окна, малозаметного из-за жалюзи. Закрытая, тихая, уравновешенная девушка. Как говорил Герман, по ней плачет высшее медицинское образование. Орлов мог раздражить кого-то вроде Игоря Александровича, Тема, если ему в голову что-то не то стукнет, но не она.

– Послушайте, – подал голос полковник СБМС, обращаясь ко мне, – вы должны понимать, что у Игоря Александровича есть некоторые... инстинкты. Это вы, люди, ведьмы, можете держать себя в руках, с вас спрос выше. А он аспид, его вид в принципе отличается некоторой... повы-

шенной агрессией, которую иногда надо выпускать, особенно во время стресса. Мы вот поэтому и не стали лезть. Лучше пусть пострадает одно магическое создание, частично виновное, чем сразу у многих невинных будут проблемы. Тем более учитывая, что эта Серова работает у вас, наверняка ей было за что не то что пощечину дать, но и пару лет лишения свободы. И это еще мягко.

Вдох, выдох. На столе надо бы навести порядок – слишком разбросаны бумаги. На пол было бы неплохо постелить ковер – в ситуациях, подобных этой, можно рассматривать узоры и представлять, на что они похожи. В детстве я иногда так развлекалась. Вдох, выдох.

Ладно, все эти практики дыхания и отвлечения мыслей были абсолютно бесполезны. Наши посетители – очень важные персоны, с ними нужно вежливо обращаться самой и заставлять вежливо обращаться других врачей. Но мне было плевать. Они доигрались, и мне пришлось повисить на них голос.

– У вас вообще... – громко начала я.

Каждому яркому пламени нужна вода. Каждому грозовому облаку нужно солнце. Иначе огонь все сожжет, а грозой ливень – затопит. К счастью, мое успокаивающее солнце появилось вовремя.

– Катерина, дорогая, что случилось? Кто тебя обидел?

Светлая деревянная дверь распахнулась, и на пороге появился Герман. Рядом с ним стоял еще какой-то молодой че-

ловек – Орлов, судя по кудряшкам, – но я почти не обратила на него внимания. Я смотрела только на Германа.

Если каждого человека можно описать одним словом, то у моего мужа это будет слово «надежность». Ему веришь, в него веришь и в то, что он поможет, тоже веришь, потому что он надежный. Вот и сейчас одного взгляда на его спокойное лицо хватило, чтобы понять: он сейчас разберется с Игорем и СБМС и вообще все решит.

На короткий миг Герман обернулся к Орлову, стоящему за его спиной.

– Благодарю за помощь. Насколько я помню, сегодня у тебя выходной, так что можешь идти домой. С Василисой все в порядке, она, скорее всего, тоже уже либо в общежитии, либо скоро придет туда.

Орлов что-то негромко ответил и исчез, а Герман наконец полностью обратил внимание на присутствующих в кабинете.

– Как там это у вас говорится... что за шум, а драки нет? Здравствуйте, Игорь Александрович, товарищ полковник, товарищ лейтенант, товарищ младший сержант.

Все поочередно поздоровались, а я увидела на лице Игоря Александровича появившуюся надежду. Он подумал, что Герман, как владелец больницы, пойдет ему навстречу. Как бы не так!

– Змеев и «шестерки» утверждают, что у Змеева обостренные инстинкты и нормальная для его вида агрессия,

поэтому он якобы имеет полное право бить наших врачей, – объяснила я по-немецки.

В теории сотрудники СБМС знают несколько иностранных языков, поэтому могут понимать немецкий, но все-таки шансов меньше. К тому же благодаря долгой жизни в Австрии я говорю довольно бегло, а беглую речь не каждый и знающий язык человек может понять.

– На русском, пожалуйста, чтобы все понимали! – потребовал полковник, но я уже сказала все необходимое.

Герман понимающе кивнул мне, хотя смотрел на полковника.

– Прошу прощения за мою жену, товарищ полковник. Видите ли, мы оба, когда переживаем, переходим на немецкий. А ситуация, судя по всему, довольно «переживательная». Пока я шел сюда, невольно услышал часть разговора, и она меня беспокоила.

– Меня больше беспокоит смерть вашего сотрудника, Исaeвой, – робко заметил полковник.

Муж помрачнел. Это было незаметно по лицу: Герман прекрасно умеет держать его, но можно было увидеть по ставшим печальными глазам, поникшим плечам и дернувшемуся уголку рта.

– Да, конечно, – с легкой грустью произнес он. – Мы сейчас немного поговорим с Игорем Александровичем, и я покажу вам место... ее смерти и тело. Там очень много крови. Обнаружившие тело перепугались, решили, что ее убили,

но... Я осмотрел ее. Очевидно, что она покончила с собой. Вскрыла вены. Увы, иногда мой эксперимент по возможности получить второй шанс дает осечку. – Тяжело вздохнув, Герман все-таки натянул на лицо свою обычную вежливую улыбку. – На чем я остановился?.. Ах да. Я стал невольным свидетелем вашего разговора. Если я правильно понял, вы, Игорь Александрович, чуть было не ударили одного из наших врачей и объясняете это тем, что она спровоцировала ваши инстинкты.

– Именно.

– Как занятно! – с таким искренне-восхищенным видом воскликнул Герман, что я сама почти поверила ему, хотя мозг подсказал, что все его слова и действия просчитаны и он так ведет себя с какой-то целью. – Видите ли, я как психолог и медик уже давно задумываюсь, чего больше в таких, как мы, магических созданиях – людского или животного. Еще Павлов утверждал, что животные действуют инстинктивно, тогда как люди обладают разумом, способным снизить влияние инстинктов на поведение до минимума. Игорь Александрович, благодарю вас, своими словами вы помогли мне ответить на интересный вопрос. Вполне возможно, вы внесли вклад в магическую биологию.

– Вы хотите сказать, что я животное?! – возмутился аспид и с упреком добавил: – А ведь я ожидал хотя бы от вас адекватности и понимания!

– Я адекватен и все понимаю. Чего вы так волнуетесь? Я

лишь говорю об интересующем меня вопросе и сослался на великого русского ученого.

Я с трудом сдержала смех. Вот что делает Герман, когда нужно успокоить человека и заставить его признать вину: он мягко, как будто объясняя ребенку или сумасшедшему, указывает собеседнику, что он совершил не плохой поступок, а глупость. Впрочем, если он не считает это глупостью, то, конечно, ничего страшного.

Игоря Александровича, однако, такой метод ведения разговора не заставил раскаться, а разозлил.

– Осторожнее, господин Хоффман, – явно пытаюсь сдерживать гнев, своим обычным едким тоном проговорил он. – Не забывайте, за чей счет работает эта больница. Я не позволю своим содержанцам так обращаться со мной.

С моих уст слетела появившаяся было улыбка, да и Герман стал серьезнее.

– Так и вы не забывайте, Игорь Александрович, – уже более твердо заговорил он. – Может, моя больница и не приносит достаточно дохода, чтобы окупать саму себя, потому что мы многих лечим бесплатно, но это не значит, что тем, кто добровольно дает средства на нее, можно заниматься произволом. Бизнесмен – публичная личность, для которой многое зависит от того, что пишут о ней в прессе и что говорят люди. Уважаемые люди. И знаете ли, я в их числе. Я не люблю манипулировать, не люблю угрожать. Я люблю решать все вопросы мирно. Но неужели вы думаете, что я не

найду управу на вас?

– Пока управу нужно искать только на вас, господин Хоффман, – подал голос полковник. – Учитывая ваше положение, при малейшем намеке на недовольство СБМС или спонсоров вы должны увольнять неугодных и рассыпаться в извинениях. Нужно ли напоминать вам, что ваша больница и так эксперимент, который у высших чинов СБМС стоит поперек горла? Вы допускаете до работы с больными магическими созданиями необразованных, подчас несовершеннолетних, а то и вовсе беспризорников и преступников.

– Они проходят курсы, – будто не услышав остального, ответил Герман, упрямо скрестив руки на груди.

– Шестимесячные? А ничего, что все нормальные врачи учатся восемь лет, если не больше?.. Впрочем, этих даже многолетнее обучение не исправит, смерть брата Игоря Александровича и той женщины, Исаевой, это прекрасно доказывает. Ваши «детки из клетки» как были потомством криминальных элементов, которое за три копейки глотку перегрызет, так и остаются.

Если раньше Герман был спокоен, просто менял настроение (или маску) с печального на веселое и с веселого на серьезное, то теперь от его флегматичности не осталось и следа. Я прекрасно понимала почему, хотя не отреагировала так же остро. Германа сейчас задели за живое. Его лицо исказилось, губы плотно сжались, а в светлых глазах появился гнев. Если бы я не знала, что Герман почти никогда не пользует-

ся магией в немедицинских целях, то решила бы, что сейчас он обрушит на сотрудников СБМС и Игоря потолок. Герман произнес лишь одно слово, емкое, почти вежливое, но прекрасно отражающее его состояние:

– Вон.

– Что?! – сразу растерялся полковник.

И это офицер самой престижной и квалифицированной службы! Хотя у меня всегда было много вопросов к СБМС, в которую невозможно попасть, но в которой почему-то работают порой сомнительные личности.

– Я сказал: вон, – немного отдышавшись и успокоившись – все-таки психолог! – повторил Герман, впрочем, все еще страшно злой. – Еще очень и очень большой вопрос, кто здесь «детки из клетки». Напомнить вам, кто стоял и смотрел, как молодую девушку хотят ударить? Я не намерен разговаривать с вами и не намерен терпеть оскорбления в сторону моих сотрудников. Я хотел извиниться, хотел принести Игорю Александровичу свои соболезнования, но то, как поливают грязью меня, мою жену и коллег, я слышать не желаю. – Он повернулся к двери. – Пойдемте, товарищ полковник, я покажу вам тело Исаевой. А Игорь Александрович пусть делает что хочет. Только пусть перед этим вспомнит, что говорил Павлов и – я не хотел этого говорить, но что поделать! – что именно «детки из клетки» под моим чутким руководством периодически делают пластические операции его жене.

Герман распахнул дверь и оперся на нее спиной, намекая, что желает пропустить вперед сотрудников Службы. Сердце сжалось. Мне не понравилось, что конфликт решается не как обычно, мирно, а вот так, и что Герман действительно выго- няет людей, от которых зависит работа больницы. На миг мы с ним столкнулись взглядами, и муж, видимо, заметил, что я не в восторге от происходящего. Едва заметно, с каким-то уставшим видом он вздохнул и пожал плечами – что, мол, я сделаю с этими агрессивными безумцами? Не терпеть же все, что они вытворяют и требуют, не увольнять же ту же Серову лишь за то, что она лечила Михаила Змеева. Я так же осторожно кивнула, давая понять, что по одному его лицу, как по книге, прочитала, что он хотел сказать.

– Не желаете проследовать к выходу? – спросила я, по уровню плохо скрываемого ехидства и злости в тоне почти не уступая Змееву.

– Но... – попыталась возразить лейтенант, однако полковник жестом приказал ей молчать.

– Конечно, господин Хоффман. Есть вещи, о которых двум разным людям бесполезно спорить. Правильную точку зрения проявит лишь время, через которое закроется ваша больница... Показывайте, где ваш морг.

Герман старательно проигнорировал слова о закрытии больницы, хотя я почти физически ощутила, как ему неприятно слышать их, и увидела на его лице беспокойную стра- дальческую гримасу. Больше всего мне хотелось подойти к

нему, обнять и утешить, хотя Герман – тот человек, который считает, что подобное нужно кому угодно, но только не ему. Однако дверь за ним закрылась, и даже если у меня был шанс как-то подбодрить мужа, теперь он исчез.

Я вновь переключила внимание на Игоря Александровича и начала прокручивать в голове варианты, что можно сказать ему, чтобы он забрал уже вещи брата и ушел, а не ляпнул в ответ что-нибудь, из-за чего я сорвусь и оставлю нашу больницу без средств к существованию. Хотя, вполне возможно, после сегодняшнего она и так без них останется.

К моему удивлению, лицо аспиды уже не выглядело злым. Напротив, по Игорю Александровичу было видно, что в нем происходит какая-то борьба. Неужели все-таки слова Германа что-то в нем пробудили? Помолчав немного, он произнес:

– Эта ваша девица хороша? Как врач.

Плохо, когда имеешь дело с такими созданиями, как аспиды, но в моем сердце пробудилась надежда.

– Очень хороша. Образования нет, поэтому иногда не хватает знаний, но чисто на интуитивном уровне она настоящий талант.

Я сказала, в общем-то, правду, но вряд ли озвучу ее вслух Серовой.

Игорь сделал царственный жест и будто с трудом выдавил из себя:

– Ладно. Тогда не увольняйте ее, так и быть. Передайте ей, что я... прощаю ее... И что я... погорячился. Но чтоб это

был первый и последний раз! – особенно неприятным тоном тут же добавил Игорь Александрович. – И чтобы моей жене все как надо делали! Если с ней хоть что-нибудь случится, я эту больницу по кирпичикам разберу!

После этой речи Игорь также ушел из кабинета, не забыв, впрочем, хлопнуть дверью.

После не очень продолжительного, но тяжелого разговора я с трудом удержалась, чтобы от усталости не сползти на пол, хотя только пришла на работу. В груди теснилось удивление вперемешку с облегчением. Змеев вытрепал все нервы, но наконец-то ушел и, кажется, не собирается продолжать катить на нас всех бочки. Особенность его вида и, очевидно, характера в том, что он вспыльчив, но отходчив. И слава богам. Хотя бы одной мерзкой и навязчивой проблемой меньше.

II. Первый подозреваемый

Василиса

Я знаю, что должна была испытывать благодарность за комнату в общежитии, которая полагалась всему медперсоналу, не имеющему дома, и мне в том числе, однако полюбить четыре холодные серые стены и скудную меблировку, как и назвать это домом, я не могла, хотя когда-то жила в местах намного хуже. Это было просто «место жительства» — отапливаемое, со всем необходимым, которое спасало от ночевки на улице или на вокзале, но не более того. Слишком тесно, слишком тихо, слишком... одиноко. Поэтому я редко проводила здесь день, предпочитая работу в больнице гниению в этом сером гробу. В общежитие я обычно приходила лишь поесть, поспать и, если сил совсем не было, один день поваляться в кровати. Из-за этого я даже не представляла, как сильно можно возненавидеть какую-то комнату, если сидеть в ней несколько дней подряд.

Оказалось, можно.

Со дня смерти Марины и стычки со Змеевым прошло три дня. Вернее, третий день еще только шел, но приближался к концу — часы в углу экрана ноутбука показывали 17:59. Через четыре часа и одну минуту я лягу спать, потом проснусь и наконец выйду на работу. Буду лечить магических созданий. Начну расследование. Да чем угодно займусь — все лучше, чем отдаваться на съедение собственным

мыслям на больничном, вдали от внешнего мира, в котором, между прочим, за эти три дня многое произошло.

С тяжелым вздохом я отвела уставшие глаза от ноутбука и потянулась к такой же скучной и казенной, как и все в общежитие, кружке. От нее приятно пахло кофе – не той сладкой молочной жижей из автомата, которой заливается Хоффман, а нормальным, черным и горьким. «Не нагружай глаза, – сказал мне Герман перед тем, как отправить сначала к Игорю, а затем на больничный, – и не пей кофе». Как врачу, то есть человеку, разбирающемуся в медицине и ненавидящему, когда пациенты не выполняют предписания, мне следовало прислушаться к рекомендациям главврача, однако я ничего не могла поделать с собой. Мне нужно было проверить кое-что, и только утром я поняла, что в силах сделать это даже сейчас, когда сижу дома. А поскольку буквы на компьютере почему-то всегда нагоняли на меня усталость, без кофе я бы попросту уснула.

То, что я хотела посмотреть, было связано с моим будущим расследованием. В первый день моего больничного Герман позвонил мне, поблагодарил, извинился за Игоря и сказал, что наш с ним договор в силе. Главврачу на пару с Екатериной Алексеевной удалось уладить разгоревшийся было конфликт. С Мариной тоже все прошло хорошо – если «хорошими» можно назвать ложь СБМС и представление убийства как самоубийство. В общем, Герману поверили, а это значило, что наша больница продолжит работать в штатном

режиме, а я через три дня начну работать в режиме сыскном.

Еще раньше Германа – кажется, еще на улице, когда я шла из больницы в общежитие, – мне позвонил Тимофей. Он рассказал о том, как потерял нас с Олесей («Он сказал, что Олеся уехала от него посреди ночи, как раз примерно тогда, когда убили Марину. Подозрительно, надо запомнить», – подумала я); о том, как Олеся нашлась быстро, а я – не очень, только с помощью Хоффмана («Либо он так умен, что догадался искать меня в морге, либо это тоже подозрительно»); о том, что ему пришлось позволить Хоффману забрать меня, а самому дожидаться Германа; о том, как Герман попросил помочь поколдовать над Мариной, чтобы показать ее тело СБМС, и сказал не распространяться об этом никому, кроме меня. Судя по утомленному голосу парня, работа была непростой. А может, все дело в крови – Тимофей ведь ее до смерти боится. Мы тогда проболтали часа два, я успела добраться до дома и пообедать. Если бы первые полчаса Тимофей не мучил меня добрым десятком вопросов о моем самочувствии, продолжая вставлять их в свою речь каждые десять минут, дело шло бы быстрее, но я не возражала. Я уже несколько раз говорила Тимофею, что мне не нужна помощь, а он не должен беспокоиться обо мне, но в итоге убийца напал на меня, и получилось, что помощь мне вроде как нужна. Во всяком случае, я признала, что вопросы заслужила.

Придя домой и наконец отоспавшись после полутора суток бодрствования и обморока, я, скрипя зубами, набрала

номер Артема. Меньше всего хотелось слышать его пропитанный сарказмом голос, но мне было важно узнать, как там Лева, ведь Хоффман – последний, с кем он оставался. В идеале следовало, конечно, сразу после беседы с Денисом вернуться в ординаторскую и забрать Леву или хотя бы позвонить ему самому, но я тогда слишком плохо чувствовала себя и морально, и физически и боялась ляпнуть что-то не то потерявшему мать мальчику. Да и хотелось узнать о его состоянии от другого человека. Четырнадцать лет – уже достаточный возраст, чтобы улыбаться и уверять, что все хорошо, когда на самом деле внутри разрывается сердце. Вот только подростки все-таки изображают эмоции хуже, особенно искренние и хорошие подростки, такие как Лева, поэтому посторонний человек, находящийся рядом, может заметить, что что-то не так.

Пробившись через шквал совершенно неуместных Хоффмановских иронии и шуточек, я выяснила, что Лева находится, как сказали бы про больного, «в состоянии средней тяжести». Он перестал плакать, успокоился, выпил воды и ненадолго уснул, но, проснувшись, как-то закрылся и на большую часть вопросов отвечает односложно или совсем не отвечает. Хоффман неожиданно пообещал, что позаботится о Лева, и это, хотя и прозвучало скорее как угроза, меня успокоило. Может, Лева уже достаточно взрослый, чтобы ухаживать за собой на минимальном уровне, но присмотр, по крайней мере на первое время, пока у него горе, ему был

необходим.

Следующие дни походили один на другой. В перерывах между сном и приемами пищи и лекарств я либо сидела в обнимку с телефоном, отвечая на вопросы о самочувствии и спрашивая, как Лева, либо принимала у себя гостей.

Точнее, гостя. Тимофея. Кроме него, я дальше порога комнаты к себе в жизни никого не пушу. От него я узнавала последние новости: настроение у наших медиков остается несколько подавленным, во многом из-за того, что посреди больницы кто-то соорудил импровизированный мемориал, посвященный Марине, а Денис спрашивает, где я и когда выйду.

Денис... Он тоже не давал мне покоя все эти дни. Естественно, не сам по себе, а мысли о нем. Да, я прекрасно понимала, что он потерял память, но не могла перестать думать о том, что он мог солгать об этом. Тем более что его показания, которые я взяла еще тогда, после стычки с Игорем, не прибавляли доверия к нему.

* * *

Мы с Денисом неспешно шли по коридорам больницы. Я почти не замечала уже ставшие привычными бесчисленные банкетки и двери, которые, как казалось из-за легкого головокружения, медленно плыли в пространстве, будто рыбы в реке. Не хотелось смотреть и на Дениса. Если честно, меня

мучило легкое чувство вины из-за того, что я обвиняю его в двойном убийстве, хотя он спас меня. Поэтому какое-то время я просто шла, глядя себе под ноги и прислушиваясь к шагам идущего рядом со мной волколака – надо сказать, по-звериному мягким и еле слышным. Руки я спрятала в карманы, и плечи слегка выдвинулись вперед, сделав мою осанку сгорбленной. Я редко позволяю себе такое – очень уж сильно в поселении ругали сутулящихся детей и подростков, – но после всех пережитых потрясений так и хотелось сжаться, стать меньше и незаметнее.

«Ну что ты так раскисла, дурочка? – мысленно упрекала я себя. – У тебя, между прочим, дела есть!»

Дела действительно были и не терпели отлагательств, тем более что Денис уже начинал поглядывать на меня. Я ведь говорила, что спрошу у него что-то, а сама уже долго шла молча. Мысленно проговорив все вопросы, я наконец начала.

– Денис, после того как ты ночью помог мне с полками, куда потом пошел?

Я спрашивала прямо и без обиняков. Конечно, можно было продумать вопросы так, чтобы собеседник не думал, что я его подозреваю, но я решила вести честный допрос. У такого метода есть свои плюсы. Конечно, спрашивающий подвергает себя опасности быть убитым осторожным преступником, зато он сразу может увидеть, кто нервничает и волнуется из-

за вопросов, кто явно врет, а кто – нет.

– К себе в палату, конечно, – удивленно ответил Денис, немного помолчав. – А что?

Ни волнения, ни признаков вранья, только небольшая пауза. Даже странно. Понятно, что он не единственный подготавливаемый, но все же.

– Да так, – пожала плечами я. – У нас просто тут человека убили – хочу узнать кто.

Денис остановился, и я, успев немного обогнать его, обернулась.

– Ты так спокойно говоришь об этом... – сдавленно произнес Денис, заметно побледнев.

Я мысленно сделала пометку об этом отклонении от нормы.

Некоторое время у парня ушло на борьбу с собой, после чего он спросил:

– Это брат вот этого вашего... и, как я понимаю, мой сосед? Он разве не раньше?..

– Его тоже убили, – не теряя недавно обретенного хладнокровия, кивнула я.

Конечно, не совсем безопасно было распространяться об этом, но после того, как Денис увидел поведение Игоря, и учитывая его давешний страх при упоминании СБМС, вряд ли он куда-то будет заявлять.

– Утром – одного, ночью – другого.

Я намеренно говорила об обоих убитых в мужском роде.

Если Денис поправит меня, значит, он почти точно убийца.

Но он пораженно молчал.

– Кто-нибудь может подтвердить, что ты сразу вернулся в палату? Там кто-нибудь был?

Денис нахмурился и тут же скривился – разумеется, когда у тебя изранено лицо, даже простая мимика становится проблемой.

– Нет, откуда? Мой сосед-то... ну, ты сама сказала...

– Ясно.

Денису мой краткий ответ не понравился.

– Что значит «ясно»? Я никого не убивал!

«И все? А где же нечто в духе «я потерял память, зачем мне кого-то убивать»? Или ты забыл и о том, что у тебя амнезия?»

– Разве я тебя обвиняю? – приподняла я брови, надеюсь, с самым невинным видом.

Денис скрестил руки на груди.

– Складывается такое впечатление.

– Совесть нечиста, если такой подозрительный.

– Я начинаю жалеть, что защитил тебя.

– Так я же говорю, Денис, мне не нужна была помощь, – мягко напомнила я и, стараясь игнорировать снова ставшее обиженным выражение лица Дениса, задала следующий вопрос: – Ты помнишь себя в тот момент, когда превратился в волка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.